

Памяти В. И. Даля.

(По поводу 40 лѣтія его „Толковаго Словаря“).

Въ истекшемъ январѣ мѣсяцѣ исполнилось 40 лѣтъ, какъ явился на свѣтъ „Толковый Словарь“ Владиміра Ивановича Даля, употребившаго цѣлыхъ 47 лѣтъ на его составленіе. Будь это за границей, въ Германіи или во Франціи, имя Даля тотчасъ бы загремѣло на весь свѣтъ. А у насъ ни одинъ журналъ того времени не проронилъ ни слова, ни одинъ университетъ русскій не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду, за исключеніемъ Дерптскаго университета, который Дालю за *русскій словарь* прислалъ латинскій дипломъ и нѣмецкую премію, учрежденную какою-то нѣмкою для награды за знаменитые успѣхи въ области языкознанія.

Первое къ себѣ сочувствіе трудъ Даля встрѣтилъ въ „Общ. Любителей Россійск. Словесности“, учрежденномъ при Московскомъ университетѣ. Въ засѣданіи его 25-го февраля 1860 г. была прочитана записка Даля, что имъ сдѣлано по обработкѣ Словаря. Общество подъ пресѣдательствомъ А. С. Хомякова предложило найти средства для изданія „Словаря“. Членъ названнаго общества—А. И. Кошелевъ далъ необходимыя на это дѣло 3.000 руб. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, служившій въ 1840-хъ годахъ при графѣ Перовскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, въ 1862 г. докладывалъ Императору Александру II о напечатанныхъ Далемъ „Пословицахъ Русскаго народа“ и о составленіи имъ первой половины „Толковаго Словаря“. Государь, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, пожаловалъ составителю „Словаря“, собирателю „Пословицъ“ и знаменитому русскому писателю, анненскую звѣзду, а въ 1864 г. по выходѣ въ свѣтъ перваго тома „Толковаго Словаря“ (буквы А—З) Его Величеству угодно было всѣ издержки по изданію „Словаря“ принять на свой счетъ. Когда „Словарь“ былъ конченъ печатаніемъ, покойный М. П. Погодинъ писалъ Академіи

Наукъ: „Словарь Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немислима. Но вакантныхъ мѣстъ нѣтъ. Предлагаю: вѣсѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій, кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій займетъ первую, какая откроется, вакансію“.

Жребій академики бросать отказались, зато единогласно избрали В. И. Даля въ свои почетные члены. Затѣмъ Академія присудила „Толковому Словарю“ Ломоносовскую премію, разборъ „Словаря“ составлялъ Я. К. Гротъ. Кромѣ того академикомъ Шренкомъ была составлена записка о зоологическихъ названіяхъ въ „Словарѣ“, а академикомъ Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ.

Императорское Географическое Общество, мысль о созданіи котораго возникла въ сороковыхъ годахъ на вечерахъ у Даля, увѣнчало его трудъ Константиновскою золотою медалью. Разборы, по порученію этнографическаго отдѣленія Географическаго Общества, были написаны академикомъ Срезневскимъ и членами общества Савваитовымъ и Пыпинымъ. По поводу послѣдняго разбора Даль напечаталъ въ концѣ своего „Словаря“—„Отвѣтъ на приговоръ“, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Все это я написалъ, не выдавъ разбора г. Пыпина, на который этнографическое отдѣленіе ссылается; разпросы мои наконецъ объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣнія о томъ, на какія именно слова моего „Словаря“ разборщикъ ссылается. Онъ приводитъ ихъ всего только три, говоря: „гармонію онъ (Даль) переводить: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, автоматъ—*живуля*, и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ, разборщикъ говоритъ „рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія“. Если бы до времени открыто было въ „Словарѣ“ моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно не моего сочиненія; можетъ быть оно не печаталось доселѣ, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нишему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *изъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтеніе. Второе слово *живуля* также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на этотъ разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано въ „Словарѣ“ моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и при томъ

напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидитъ живая живуличка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мяско* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдуманно мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ, какъ автоматъ, взято изъ устъ народа. Мужикъ рассказывалъ, что видѣлъ *живуль*, въ томъ числѣ и Наполеона (въ ярмарочномъ балаганѣ восковыхъ фигуръ): другой спросилъ, ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: „такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ живулю, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна, на кругахъ“. Вотъ откуда я взялъ значеніе этого слова и за всѣмъ тѣмъ при переводѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*; правда, слово моего сочиненія, но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ подѣ буквою *л*, а оно поставлено только какъ объяснительное при словѣ *шмастика* и при томъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ, на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованія, и при томъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что „онъ (Даль) ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственного сочиненія“. Свою отвѣдь г. Пыпину кончалъ Даль такъ: „Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ честнаго человѣка, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ не однимъ, и даже не тремя примѣрами, что „Даль ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненія“, либо объявитъ, что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ. Это было напечатано въ январѣ 1867 г. и съ тѣхъ поръ А. Н. Пыпинъ не доказалъ и не сказалъ, что онъ ошибся.

Чтобы лучше показать, до какой степени Далемъ были изучены мѣстные говоры, расскажемъ слѣдующее: пріѣхавъ однажды на званный обѣдъ на дачу по недоразумѣнію ранѣе, чѣмъ былъ назначенъ обѣденный столъ, Даль засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Чтобы имъ не мѣшать, онъ вышелъ въ палисадникъ, предъ которымъ стоялъ сборщикъ на построеніе храма, бѣлокурый монахъ. съ книжкою въ черномъ чехлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Даль его спросилъ, изъ какого онъ монастыря?

— Соловецкаго, родненскій, — отвѣтилъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерніи?—сказаль Даль, зная, что „родимый“, „родненькій“ одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и пониклымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненькій, тамо-ти въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда,—замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги...

— Не погубите.

Оказалось, что это былъ бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подѣ видомъ соловецкаго монаха.

Писатель П. Мельниковъ (Печерскій) писалъ, что когда онъ былъ начальникомъ статистической экспедиціи въ Нижегородской губерніи, „я познакомилъ всѣхъ членовъ съ В. И. Далемъ. Въ 1852 и 53 годахъ мы объѣхали всѣ 3.700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ, составленной мною и Н. А. Милутинымъ, подѣ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня и каждаго изъ членовъ предѣ каждою поѣздкою В. И. Даль просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры. „А главное, говариваль онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье“ и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Даля „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ было замѣчено дзяканье, господство послѣ *a* звука *y*, замѣняющаго *o*, *e* и даже *я*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (*ѣ*, *я*, *ю*) въ твердыя гласныя (*а*, *у*) и измѣненіе буквъ *з*, *ж*, въ косвенныхъ надеждахъ на *з* и *ц*.

— Это Бѣлоруссы. Это та же Мензелинская шляхта,—сказаль Владиміръ Ивановичъ и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подѣ рукой. Поискали и нашли, что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена Литва, т. е. собственно говоря бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то, что дзякающихъ лукояновцевъ окрестные жители зовутъ „панамы“, а иногда „панскими“.

Даль, служа при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра, гдѣ жилъ и самъ министръ. Даль и Надеждинъ (тотъ самый профессоръ Московскаго университета, который былъ сосланъ въ Устьсысольскъ за напечатанье писемъ Чаадаева въ „Телескопѣ“ и возвращенный изъ ссылки по ходатайству Перовскаго) вели

самыя важныя дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ нерѣдко помимо даже подлежащихъ департаментовъ. Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ, всеподданнѣйшіе доклады и всѣ записки, предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ.

Всѣ знали, что значить Даль для министра, и потому неудивительно, что губернаторы и другія важныя лица, служившіе подъ начальствомъ Перовскаго, взбирались по 90 ступенямъ въ квартиру В. И. Даля; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. Зато всякій даже безызвѣстный человѣкъ, если приносилъ Далю нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, былъ принимаемъ съ самымъ теплымъ радушьемъ въ его семействѣ. Но такому гостю здѣсь не давали заикнуться о службѣ или дѣлахъ. Даль успѣвалъ удѣлить время и на веденіе записокъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, обо всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ, въ Оренбургѣ и Петербургѣ.

Въ этихъ запискахъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ; дѣйствія графа Блудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій патріаршій престолъ католика Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло эмиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищеніи денегъ въ Комитетѣ о раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и кн. Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убійствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковъ Симбирской губ. крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и проч. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоюго пола. Словомъ, эта была полная лѣтопись за цѣлыя 15 лѣтъ (1833—1848 г.). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, а также все, что дѣлалось въ Академіи Художествъ и дирекціи Императорскихъ театровъ.

Въ 1848 г. гр. Л. А. Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловымъ и Нессельроде, сказалъ однажды Далю: „До меня дошли слухи, которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону... Что у васъ за собранія по четвергамъ и какія записки вы пишете?“ Даль съ полною откровенностью разсказалъ все графу Перовскому, которому записки были извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненія.

Министръ удовольствовался объясненіемъ, но сказалъ: „Надобно быть осторожнѣе“. Съ того дня четверги прекратились, а драгоценныя записки для исторіи погибли въ каминѣ. Съ окончаніемъ изданія „Словаря“ В. И. Далемъ, долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на его здоровье. Сознавая это, онъ началъ писать „Картины русскаго быта“, которыя явились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1867 и 1868 годовъ и „Бытописаніе“ для народнаго чтенія.

„Бытописаніе“—это Мойсеево Пятикнижіе, изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простолюдинъ. Даль имѣлъ также намѣреніе передать Евангеліе на языкъ простолюдинъ, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и при томъ буквально. Переведенная такимъ образомъ XIII глава Евангелія Матѳея находилась въ рукописи въ собраніи М. П. Погодина.

„Бытописаніе“ Даля прошло много мытарствъ по цензурѣ. Смущало многихъ то, что вмѣсто непонятной народу „скинии“, у него стояла палатка, шатеръ; вмѣсто „брада Аарона“—Ааронова борода; вмѣсто „стана израильскаго“ (въ пустынѣ)—еврейскій таборъ. Другіе недоумѣвали, возможно ли допустить лютеранину поучать православный народъ.

Третьи находили несогласіе съ хронологіей LXX толковниковъ. Даль сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезли. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись Даля пролежала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали и возвратили автору безъ отказа и безъ приказа. Въ 1869 г. рукопись „Бытописанія“ была переправлена въ Петербургъ; здѣшняя духовная цензура одобрила ее къ напечатанію, но „Бытописаніе“ осталось все-таки ненапечатаннымъ, хотя одно лицо бралось его издать даже съ картинами. Предъ кончиной В. И. Даль свое „Бытописаніе“ передалъ въ рукописи своей свояченицѣ Н. Л. Соколовой.

Въ молодости своей В. И. Даль, по настояніямъ Пушкина, написалъ драматическое произведеніе „Ночь на распутіи или утро вечера мудренѣе“. Содержаніе его фантастическое. Даль рассказывалъ, что Глинка не разъ ему говорилъ, что послѣ „Руслана и Людмилы“ онъ непременно примется за „Ночь на распутіи“. Въ 1859 г. это произведеніе В. И. Даля, названное „оригинальнымъ водевилемъ“, было поставлено на сценѣ Александринскаго театра. Къ довершенію всего дирекція изъ „Ночи на распутіи“ сдѣлала нѣчто въ родѣ балаганнаго представленія. Сцены русалокъ на озерѣ;—превращеніе Оборотня въ зайца, въ полетушку, въ сороку;—наводненіе покоевъ княжяго родича Весны водою текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвушки; Лѣшій, идущій въ лѣсу вровень съ деревь-

ями, а полемъ вровень съ травой; — круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ;—Водяной съ русалками; затопляющіе лѣсъ и проч.—все это дирекція могла бы, если бы хотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени мерзко, что глядя на сцену не вѣрилось, что это Императорскій театръ, а не ярмарочный балаганъ. Разумѣется такой водевиль не имѣлъ успѣха, а авторъ его, жившій въ Нижнемъ, даже не зналъ, что ставятъ его произведеніе. Фактъ этотъ лучше всего рисуетъ понятіе о степени добросовѣстности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ заправилами русской сцены, которымъ являлся незабвенный П. С. Федоровъ. Узнавъ о постановкѣ своей „Ночи на распутіи“, В. И. Даль хотѣлъ было протестовать,—но какъ и кому? При томъ же дѣло сдѣлано; нарядивъ пьесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла уронить поэтическое произведеніе. Бѣдный В. И. Даль, такъ поступали съ нимъ при жизни, а послѣ его смерти зачѣмъ же церемониться было и съ его „Словаремъ“; но время возьметъ свое—и пьеса Даля и его „Словарь“ несомнѣнно воскреснутъ и оживутъ въ умѣлыхъ рукахъ.

И. Н. Божеряновъ.

